

РЕСКРИПТЪ

Его Блаженства, Блаженнѣйшаго Діонисія, Митрополита Варшавскаго и Волынскаго и всея Польши, Высокопреосвященнѣйшему Θεодосію, Архіепископу Виленскому и Лидскому, отъ 21 апрѣля 1927 года за № 515, о пожалованіи ему брилліантоваго креста на клобукъ.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыка.

Ровно четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ Вы, умудренный опытомъ двадцатилѣтняго Архіерейскаго служенія Церкви Божіей и перенесенными испытаніями въ богоборной странѣ, прибыли въ Польшу и 21 апрѣля 1923 года получили назначеніе на видную и трудную Виленскую кафедру.

За эти четыре года Вы явили паствѣ Вашей образъ Архипастыря, преданнаго своему святительскому служенію, кроткаго и незлобиваго, умѣющаго снисходить къ немощамъ людскимъ. За эти качества Вы снискали себѣ истинное уваженіе и любовь Вашей паствы.

Ясно понимая, что только единодушіе среди Архипастырей въ трудныя годы существованія Церкви Божіей и вѣрность каноническому строю въ жизни Ея могутъ сохранить чадъ Ея отъ разложенія и уклоненія отъ единомыслія въ вѣрѣ, Вы и среди Архипастырей Православной Церкви въ Польшѣ пріобрѣли для себя общее уваженіе своимъ постояннымъ и неизмѣннымъ доброжелательствомъ и неуклонностью въ исполненіи того, что по соборному сознанію Архіереевъ служить къ пользамъ и благоустроенію Святой Польской Православной Церкви.

Глубоко проникнутый мыслию о томъ, что земныя задачи Церкви Божіей имѣютъ свою цѣлю христіанизацию разумныхъ твореній Божіихъ, Вы мудро разрѣшили для себя трудный, но жизненный вопросъ о воздаяніи Божьяго Богови, а кесарева — кесареви, — и доброе отношеніе къ Вашей особѣ со стороны властей предержащихъ, всегда только полезное для Церкви, свидѣтельствуетъ объ истинности въ этомъ отношеніи Вашего жизненнаго святительскаго пути.

Оцѣнивая съ этихъ сторонъ Ваши святительскія качества, направленныя къ славѣ Божіей и преуспѣянію Церкви Христовой, считаю своимъ первосвятительскимъ долгомъ отмѣтить Ваше усердное Архипастырское служеніе Святой Польской Автокефальной Православной Церкви удѣленіемъ Вамъ благословенія къ празднику Святой Пасхи на ношеніе на клобукъ брилліантоваго креста.

Воскресшій Господь да продлитъ на благо Церкви Своей дни Ваши и да даруетъ Вамъ всяческое духовное утѣшеніе.

Вашего Высокопреосвященства любящій во Христѣ братъ

(—) Діонисій,

Митрополитъ Варшавскій и Волынскій и всея Польши.

РЕСКРИПТЪ

Его Блаженства, Блаженнѣйшаго Діонисія, Митрополита Варшавскаго и Волынскаго и всея Польши, на имя Преосвященнѣйшаго Александра, Епископа Полѣскаго и Пинскаго, отъ 24 апрѣля 1927 года за № 516, о пожалованіи ему драгоцѣнной панагіи.

Ваше Преосвященство, Преосвященнѣйшій Александръ,
Епископъ Полѣскій и Пинскій.

7 апрѣля сего года Его Святѣйшеству, Патріарху Вселенскому, и Его Священному Синоду благоугодно было постановить, дабы я, какъ Глава Автокефальной Польской Церкви Православной, пользовался титуломъ „Блаженства“. Признавая справедливымъ, чтобы въ предоставленной мнѣ чести тѣмъ или инымъ образомъ участвовали и ближайшіе мои сотрудники въ дѣлѣ устроенія Православной Польской Автокефальной Церкви, при семъ

препровожаю Вамъ драгоценную панагію на память о столь важномъ событіи, какъ присвоеніе Главъ Православной Церкви въ Польшѣ вышеназваннаго титула.

Прося святыхъ молитвъ Вашихъ,
 пребываю съ братской о Христѣ любовію
 (—) Митрополитъ Діонисій.

РЕСКРИПТЪ

Его Блаженства, Блаженнѣйшаго Діонисія, Митрополита Варшавскаго и Волынскаго и всея Польши, на имя Преосвященнѣйшаго Алексія, Епископа Гродненскаго и Новогрудскаго, отъ 24 апрѣля 1927 года за № 517, о пожалованіи ему драгоценной панагіи.

Ваше Преосвященство, Преосвященнѣйшій Алексій,
 Епископъ Гродненскій и Новогрудскій.

Въ Вашемъ присутствіи Святѣйшій Вселенскій Патріархъ удостоилъ почтить меня, какъ Главу Польской Автокефальной Церкви Православной, титуломъ „Блаженства“. Въ воспоминаніе сего знаменательнаго въ жизни нашей Церкви событія и въ воздаяніе трудовъ Вашихъ по ближайшему сотрудничеству Вашему со мною въ дѣлѣ устроенія Святой Православной Церкви въ Польшѣ, при семъ препровожаю Вамъ драгоценную панагію.

Прося святыхъ молитвъ Вашихъ,
 пребываю съ братской о Христѣ любовію
 (—) Митрополитъ Діонисій.

Гдѣ ты, святая Магдалина?!

Всякій разъ, когда въ круговоротѣ годовыхъ дней мы достигаемъ второго воскресенья послѣ Пасхи, посвященнаго нарочитой памяти свв. женъ мвроносицъ; всякій разъ, когда и пѣснопѣнія церковныя, и евангельское чтеніе, и проповѣдь священника звучатъ похвалами какъ и той одной женщинѣ, которая помазала мвромъ ноги Его и главу въ домѣ Симона, такъ и тѣмъ другимъ, самоотверженнымъ евангельскимъ женамъ, которыя служили Господу „отъ имѣній своихъ“, а въ часы страшные голгофскихъ Его страданій—участливо стояли у креста и, въ день погребенія, надъ Господомъ и плащаницею безпомощно горько рыдали,—всякій разъ на крыльяхъ мысли мы обязательно переносимся въ тотъ обворожительный край евангельскихъ событій, въ тѣ далекія времена, сказанія о которыхъ давно-давно составляютъ предметъ самый святой для вѣрующихъ душъ.

Только четыре имени сохранило для насъ Евангеліе, — вотъ эти имена: Марія Магдалина, „другая Марія“—мать апостоловъ Іакова малаго и Іосіа, Іоанна или Анна жена Хузы — домоправителя Иродоваго и Саломія. Только имена четырехъ мвроносицъ счелъ нужнымъ передать потомству евангельскій повѣствователь, а объ остальныхъ нѣкихъ, „безымянныхъ“ мвроносицахъ-женахъ онъ лаконически выразился словами: „и прочія съ ними“.

Не смотря на то, что для исторіи навѣки потеряны эти жемчужны—имена, скрытыя въ общемъ выраженіи, православно-христіанское со-

знаніе каждаго вѣрующаго сложило однако же особенный конкретный коллективный, такъ сказать, образъ и обликъ евангельской, пусть невѣдомой, безыменной жены—мвроносицы: это образъ женщины обвѣянной не только дыханіемъ цвѣтущихъ маслинъ въ саду Армаея, прянымъ запахомъ мврры, лаванды, корицы и шафрана, но также и поэтической простотою скромнаго убранства-наряда.

Мвроносицы—это образъ хрупкой сложеніемъ, но, какъ львица храброй, какъ смерть—вѣрной, какъ добрый геній—любящей женщины, той женщины, которая въ укоръ сильному мужчине, еще до зари, въ темной синевѣ и дымкѣ предразсвѣта, словно силуэтъ, склонилась въ слезахъ надъ черною глубокою пещерой—могилою, „гдѣ было положено тѣло Іисусово“.

Незабвенный и дивный обликъ евангельской Мвроносицы! Ты такъ красочно выступилъ на фонѣ новой алой первой утренней зари Христіанства зажженной тамъ, гдѣ пали во прахъ язычники — стражи, гдѣ, не рушивши печатей, воскресъ изъ гроба Побѣдитель смерти, что намъ — христіанамъ ты будешь навсегда милъ, знакомъ и дорогъ, не смотря на то, что, въ большинствѣ,—ты—обликъ безымянный.

Стройная какъ тополь, въ своемъ скромномъ ширококомъ восточномъ хитонѣ, съ покрываломъ на головѣ, обхвативъ тонкими пальцами каменный алавастръ съ мвромъ драгоценнымъ, обутая наскоро въ простыя сандалии, она, какъ лань, торопится—спѣшитъ ко гробу. Вотъ изъ-за ея

попѣшности сползла и выбилась изъ подъ покрывала и растрепалась—развѣвается по вѣтру огромная ея коса—краса, которою когда-то, вмѣсто полотенца, отерла бывшая блудница ноги Исуса, омытая, вмѣсто воды, ея слезами.

Глаза ея — огонь, неустрашимость; уста — молчаніе и тайна; всѣ ея члены — одна стремительность впередь...

Очаровательный образъ, памятный намъ по евангелію и такъ упорно вычеркнутый изъ современной намъ жизни! Не потому-ли мы любимъ тобой, что ты, словно дорогая античная ваза, въ ореолѣ своей простоты, изящества, художественности и чистоты моральной красуешься намъ, какъ скромная лилія со страницъ сѣдой исторіи Христіанства? Не потому-ли очарованы мы тобою, что сіяешь ты намъ изъ темнаго сала Аримаея, словно золотыя буквы о „благообразномъ Іосифѣ“ съ темномалиноваго бархата Плащаницы святой въ Великую Пятницу? Не потому ли мы грустимъ за Тобою, что Ты ушла съ земли, святая Магдалина, и нѣтъ теперь Твоего облика среди насъ? Какъ же до неузнаваемости нехудожественно исковеркана теперь, въ сравненіи съ тобою, фигура современной нашей женщины! Крикливъ ея нарядъ, или, вѣрнѣе, кричитъ ея полунагота; прическа ея „a la garçon“,—куафюра

задорнаго мальчишки; всѣ движенія ея—стремленіе эротическаго „чарлстротта“; глаза ея, обведенные искусственною синью и безыскусственными синцами — яма паденія и глубина порока; многорѣзчивыя уста ея, незапечатанныя истой скромностью, густо накрашены приторно-красной, цвѣта липкой крови, краской... Она—не человѣкъ, кукла она, прыгающая фигурка и игрушка въ пошлыхъ рукахъ циничнаго мужчины, выдумавшаго для удовлетворенія собственной похоти всѣ эти „тонкости“ современной женской моды...

Гдѣ жъ ты, гдѣ ты, святая Магдалина? Какъ изваяніе античное остался намъ лишь далекій образъ твой тамъ, на востокѣ, въ тѣни оливъ аримаеѣйской рощи, на самой зорькѣ Христіанства.. Вѣдь мы живемъ теперь давно послѣ полудня нашей эры. Очевидно, ужъ ближе къ вечеру склонился день солнечный въ существованіи міра.. Вѣдь современная женщина (при помощи законодателя мужчины) сорвала съ себя плащъ стыдливости и женственности своей и онъ, какъ шумъ отъ растрепанной по вѣтру сѣдой косы, какъ шелестъ листьевъ осени, упалъ къ ея ногамъ и разсыпался..

Куда жъ скрылася съ земли святая Магдалина?

* * *

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ КНИЖКИ МУРАШКИ: „ЧТО ЗАПРЕЩАЕТЪ И ЧТО ПОВЕЛѢВАЕТЪ СЛОВО БОЖІЕ“*)

Освященіе предметовъ.

(Глава V-я).

„Потому что освящается словомъ Божіимъ и молитвою“ (1 Тим. 4, 5).

Мурашка глумится надъ Православною Церковью за освященіе воды, причемъ обнаруживаетъ поразительное невѣжество, говоря, что будто бы когда священники освящаютъ воду, то „плюютъ и дуютъ на нее“, и замѣчаетъ, что такой способъ „освященія воды“ не встрѣчается и у древнихъ народовъ, и что всѣ предметы неодушевленные не требуютъ освященія. Въ водѣ, какъ онъ говоритъ, сатаны нѣтъ и нечего его оттуда изгонять. Все это ложь, что сказалъ Мурашка: при освященіи воды никакой священникъ не „плюетъ въ воду“. Мурашка, очевидно, смѣшала обрядъ крещенія съ освященіемъ воды. При крещеніи оглашаемый, т. е. лицо, приготовляющееся къ крещенію, и его воспріемникъ обращаются лицомъ къ западу, такъ какъ востокъ служитъ символомъ свѣта, и отрицаются отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, и въ знакъ полнаго презрѣнія къ сатанѣ плюютъ и дуютъ на него, но не на воду, а на сатану. Если Мурашкѣ нравится цѣловаться съ сатаной, то пусть онъ и цѣлуется; мы же, вѣрные христіане, гнушаемся сатаны. Что касается освященія воды, то обычай этотъ древній. Если Мурашка не знаетъ Священнаго Писанія, то мы прочитаемъ ему изъ слова Божія мѣста, свидѣтельствующія объ освященіи воды. „И возьметъ священникъ святой воды въ глиняный сосудъ, и возьметъ священникъ земли въ полу скиніи и положить въ всду“. „А чтобы очистить ихъ, поступи съ ними такъ: окропи ихъ очистительной водой“ (Чисел. 8, 7). Въ Новомъ Завѣтѣ мы, также, видимъ свидѣтельство о томъ, что самъ ангелъ Господень каждый годъ приходилъ и освящалъ воду (Еванг. Іоанна 5, 4). Послѣ этого освященія больные исцѣлялись (4 ст.). Значитъ, есть вода неосвященная и святая. Мурашка

этого понять не можетъ. Но пусть и не понимаетъ. Мы же знаемъ, что Господь сказалъ Адаму, что земля проклята (Бытія 3, 17). Но вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ, также, сказалъ и Моисею: „Моисей, сними обувь съ ноги твоей, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая“ (Исходъ, 3, 5). Ясно, что слово Божіе рассуждаетъ не такъ, какъ Мурашка, и пусть онъ глумится надъ самимъ Богомъ, что Онъ различаетъ воду святую отъ неосвященной и землю святую отъ проклятой. Что касается того, что плюновеніе означаетъ у людей презрѣніе, то объ этомъ говоритъ слово Божіе: „И сказалъ Господь Моисею: если бы отецъ плюнулъ ей въ лице, то не должна ли она стыдиться“ (Числ. 12, 14). Отрицанія отъ сатаны требуютъ также слово Божіе (1 Іоанн. 3, 8; 1 Петр. 5, 8; 1 Тимое. 5, 15; Мрк. 16, 17; Дѣян. 19, 11-16).

О крещеніи дѣтей.

(Глава VI-я).

Въ этой главѣ Мурашка совершенно ничего новаго не говоритъ и повторяетъ старыя, избитыя мѣста, приводимыя сектантами въ защиту своего ученія о томъ, что крестить младенцевъ не нужно. Онъ говоритъ: 1) апостоль Павелъ только доказываетъ претворство крещенія въ водѣ надъ обрѣзаніемъ рукотворнымъ, но его слова нисколько не означаютъ, что нужно крестить дѣтей; 2) гдѣ говорится о крещеніи домашнихъ, то говорится это о взрослыхъ, ибо дѣти вѣровать не могутъ, а потому ихъ и крестить запрещено словомъ Божіимъ; 3) священникъ, крестя младенца, нежелаящаго, чтобы совершалось надъ нимъ крещеніе, дѣлаетъ младенца христіаниномъ, а когда онъ вырастетъ, берутъ его въ армию, и дѣлаютъ христіанскимъ язычникомъ: учатъ убивать другихъ, и человѣкъ вмѣсто того, чтобы служить Богу, служитъ длаволу; 4) дѣти святы, слѣдовательно, крещеніе дѣтей не основано на словѣ Божіемъ. Вотъ и все, что сказалъ Мурашка по вопросу о крещеніи младенцевъ.

*) См. „Воскресное Чтеніе“ № 4, 13, 14, 16.

Противосектантская литература подробно разъяснила всё эти сомнѣнія, высказываемыя сектантами по вопросу о крещеніи дѣтей. Мы останавливаться долго на этомъ вопросѣ не будемъ. Съ своей стороны только разберемъ положеніе, высказанное Мурашкой. Православные полемисты, приводя изъ посланія къ Колосянамъ (2, 11 и 12), гдѣ апостоль Павелъ сравниваетъ крещеніе съ обрѣзаніемъ, говорятъ, что обрѣзаніе совершалось надъ 8-мидневному младенцу, а апостоль Павелъ указываетъ, что крещеніе замѣнило обрѣзаніе. Разъ такъ, то на какомъ же основаніи сектанты отрицаютъ крещеніе младенца? Неужели ветхозавѣтные младенцы были иными, отличающимися отъ новозавѣтныхъ? Апостоль Павелъ сравниваетъ крещеніе съ переходомъ черезъ Черное море (1 Коринтянамъ 10, 1 и 2), говоря: „И всё крестились въ Моисея въ облакъ и морѣ“. А при переходѣ евреевъ черезъ Черное море были и грудные младенцы. Значитъ ясно, что апостоль Павелъ крещеніе младенцевъ не отрицаетъ. Мурашка говоритъ, что при крещеніи домашнихъ необходимо подразумевать людей взрослыхъ. Обращаемся къ текстамъ Священнаго Писанія и видимъ, что это утвержденіе Мурашки ложно. Въ Писаніи говорится такъ: „Крестилась Лидія и семейство ея“; „Крестился темничный стражъ и всё домашніе его“ (Дѣяній 16, 14—39).

Слово „всѣ“ показываетъ намъ, что было крещено все семейство темничнаго стража. Если бы шла рѣчь только о взрослыхъ, а не о младенцахъ, то такъ и было бы сказано въ Писаніи, что крестились всѣ взрослые изъ семейства темничнаго стража. Правда, дѣти безсознательны, но это еще далеко не значитъ, что ихъ не нужно крестить. Крещеніе есть духовное рожденіе (Іоаннъ 3, 18). Но, вѣдь, и физическое рожденіе дитя тоже, можетъ быть, не хотѣло получить, однако оно родилось. Дитя такъ же не сознаетъ, ког-

да его кормятъ, однако, если оно не будетъ питаться, то умереть. То же самое и въ данномъ случаѣ: если дитя не получитъ питанія духовнаго—крещенія,—то и умереть для жизни духовной. Мурашка въ 3-мъ пунктѣ своего обвиненія говоритъ, что послѣ крещенія, когда младенецъ станетъ взрослымъ, изъ него дѣлаютъ убійцу. Это ложь. Никто изъ православныхъ священниковъ никакихъ убійцъ изъ своей паствы не дѣлаетъ, а научаетъ ихъ слѣдовать ученію Господа Іисуса. Война не есть убійство, а военная служба не есть разбойное ремесло. Спаситель сказалъ: „Воздайте Богови Божіе, а кесареви кесарево“. Апостоль Павелъ пишетъ, что не напрасно начальникъ носить мечъ (Римлянамъ 13, 4). Война началась раньше начала міра между злыми и свѣтлыми духами (Исаи 14, 12 и 15), и она будетъ продолжаться до второго пришествія по свидѣтельству самого Господа Іисуса Христа (Маттея 24, 6, 8). Мурашка говоритъ, что дѣти святы, а потому и крестить ихъ не нужно. Но почему Мурашка не говоритъ, что есть дѣти и нечистыя (1 Коринтянамъ 7, 14)? Какъ же съ тѣми дѣти поступить? Разъ они нечисты, то, слѣдовательно, нужно что-то съ ними совершить, чтобы ихъ освятить? Мурашка объ этомъ ни звука. Потомъ, какъ бы Мурашка поступилъ съ глухонѣмымъ, который никакой вѣры не сознаетъ, или съ ненормальнымъ чело-вѣкомъ, но однако людьми взрослыми? Мурашка долженъ сказать, что ихъ тоже не нужно крестить. Можетъ быть, Мурашка дойдетъ до такого состоянія, когда начнетъ учить, что вообще не нужно никого крестить ни дѣтей, ни взрослыхъ? Оно на то похоже. О крещеніи младенцевъ написалъ болѣе осмысленную, чѣмъ Мурашка, статью его единомышленникъ профессоръ Марцинковскій, которую мы въ ближайшее время разберемъ и отпечатаемъ на страницахъ „Воскреснаго Чтенія“.

Встрѣча.

Пасхальный рассказъ.

II.

Долго находился Тимашевъ подъ впечатлѣніемъ этой неожиданной и непріятной встрѣчи. Онъ даже церковь не посѣщалъ.

Тяжелыя картины прошлаго, пережитаго въ послѣдніе годы на родинѣ, одна за другой проносились въ его памяти.

Полууспокоившаяся душа снова почувствовала непріятный осадокъ, а сердце заняло жуткой щемящей болью. Снова онъ сталъ изводиться: потерялъ сонъ, и ночь, вмѣсто забвенія и покоя, приносила ему всякіе ужасы—кошмары.

То мерещились ему какіе-то разъяренные люди въ черныхъ матроскахъ съ лентами — хвостиками у безкозырекъ: будто средь ночи ломались они въ дверь его комнаты и, дикою сворой вскочивши сюда, вырывали его изъ рукъ обезумѣвшей матери и избитаго до полусмерти брата—юнкера.

То опять видѣлъ онъ себя у края глубокой зяющей бездны.

— Мѣстность знакома... припоминаль... Это—не пропасть была, а лишь яма — могила, вырытая собственными руками, по приказу Павла Бороздкина.

Надъ нею врядъ выстроено много народа. Все—измученныя, усталыя лица. Одни безразличье и покорность судьбѣ выражаютъ, на другихъ—муки отчаянья застыли.

Vis-a-vis Михаила Степановича стоитъ Борозд-

кинъ. Точно съ цѣпи сорвался. Черные, горящіе, какъ у волка, глаза не смотрятъ—ѣдятъ. Въ рукѣ „наганъ“. Грудь Тимашева мишень.

Раздается команда, уснащенная отборной руганью и демонскимъ ядомъ насмѣшекъ. Свистъ пуль..

Обливаясь холоднымъ потомъ, съ замершимъ сердцемъ вскакиваетъ съ постели Михаилъ Степ. и открываетъ глаза.

— „Господи, слава Тебѣ!“ вздыхаетъ онъ облегченно: „сонъ все это!“

Пробужденіе его не на кладбищѣ, въ кустахъ бузины, какъ въ то кровавое время, а далеко, далеко отъ тѣхъ ужасныхъ мѣстъ... „Брр... брр...“ ежится, словно отъ холода, М. С. Да ужасныхъ! но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ безконечно близкихъ сердцу его, милыхъ, дорогихъ мѣстъ потерянной родины.

Было—прошло.

Откуда же снова и тутъ, на чужбинѣ, взялся этотъ Павелъ Бороздкинъ. Что привело его сюда? Съ виду положеніе его печально: нищимъ глядитъ.

Какая же злая судьбина вышвырнула и его за бортъ той страны, гдѣ до сихъ поръ по духу и взглядамъ былъ онъ вполне своимъ чело-вѣкомъ?

Тамъ вѣдь жизнь его текла шумно и такъ беззаботно. Дорогою цѣной купилъ онъ „блага“ ея: честь свою продалъ, измѣной себя запятналъ и въ то время, когда бывшіе сослуживцы его (въ числѣ ихъ и Тимашевъ) переносили всевозможныя оскорбленія, униженія, издѣвательства, гибли, какъ мошки, — одинъ Бороздкинъ благоденствовалъ.

Много изъ прежнихъ знакомыхъ доводилось ему пытать, мучить, даже на смерть осуждать.

Пожаръ совѣсти тушилъ онъ братскою кровью. Не избѣжалъ руки его и Мих. Степ. Какъ уцѣ-

О преданіи.

(Глава VII).

Мурашка пишетъ, что православные неправильно ссылаются на слова апостола Павла: „И такъ, братія, стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ“ (2 Тессал. 2, 15). Эти слова Мурашка толкуетъ такъ: „Держите преданія“—не значить, что все можно принимать, что не по слову Божію. Апостоль Павелъ передавалъ устно проповѣдь, что Христосъ есть Спаситель. Но не устанавливалъ преданіемъ разнаго рода догматы, которые существуютъ въ настоящее время не по слову Божію. Напримѣръ, по преданію установили поклоненіе иконамъ, исповѣдь, молиться ангеламъ, святымъ, угодникамъ, разнаго рода требы и др. Христосъ строго укорялъ фарисеевъ за то, что они замѣнили заповѣдь Божію преданіемъ человѣческимъ. Посему, оставимъ служъ тѣмъ человѣческому преданію, служите Христу и Его слову“.

Вотъ каковы разсужденія Мурашки относительно Преданія!

Развѣ Православная Церковь когда-нибудь учила, что нужно исполнять преданія человѣскія, а не Божескія? Ни одного мѣста Мурашка не приведетъ такого, которое бы говорило противъ ученія Православной Церкви, что оно повелѣваетъ исполнять преданія человѣскія, а не Божескія. Всѣ приведенные Мурашкою примѣры, какъ мы уже разобрали, оказываются ложными. Такъ, почитаніе святыхъ иконъ и т. п. основаны всецѣло на словѣ Божіемъ. Для насъ важно то, что въ словахъ апостола Павла: „Стойте и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ“, есть указаніе на то, что исполнять нужно повелѣнія апостола не только тѣ, которыя написаны на бумагѣ, но и тѣ,

которыя сказаны на словахъ. Вотъ этого то и не хочеть знать Мурашка. Православная же Церковь, какъ истая исполнительница ученія Христа и святыхъ апостоловъ, выполняетъ всѣ его повелѣнія. Многое, что не написано на бумагѣ, то сказано на словахъ. Не записано, напримѣръ, какъ нужно крестить, вѣнчать, строить храмы, какъ совершать службу Божію и т. п. Въ Священномъ Писаніи лишь кратко упомянуто о водѣ и произнесеніи извѣстныхъ словъ при совершеніи таинства крещенія, но какъ именно совершать его—ничего не сказано. То же самое можно сказать и о другихъ таинствахъ, а также о молитвахъ. На все это мы находимъ указанія въ Священномъ Преданіи. Вотъ мы, православные, и чтимъ Святое Преданіе и Священное Писаніе, какъ одно и то же слово Божіе. Чтимъ потому, что чтить его заповѣдалъ намъ Господь Иисусъ Христосъ и Его святые апостолы.

Ссылка Мурашки на фарисеевъ совершенно не основательна. Фарисеи устроили слово Божіе преданіемъ человѣческимъ, а мы учимъ, что преданіе Православной Церкви не есть преданіе человѣческое, а есть Божественное Откровеніе. „Чему“, говоритъ апостоль Павелъ, „вы научились и слышали и видѣли во мнѣ, то исполняйте, и Богъ мира будетъ съ вами“ (Филипп. 4, 9). Вотъ, что мы слышали устно, сказанное Христомъ и апостолами, но не записанное въ книгахъ, то исполняемъ. А Мурашка и его единомышленники всѣхъ словъ Христа не исполняютъ, учать тому, что Спаситель не повелѣвалъ и Его святые апостолы; отвергаютъ почитаніе иконъ, ангеловъ и святыхъ угодниковъ и обряды богослужебные.

Замѣтки изъ церковнаго Богослуженія.

(Глава VIII-я).

Мурашка говоритъ, что при служеніи акафиста Святой Маріи поминаютъ: „Пресвятая Богородица,

лѣлъ онъ тогда, кто его спасъ—неизвѣстно и по сію пору.

Случай этотъ чуть было разсудка не лишилъ Тимашева, душу его наполнилъ безысходной тоскою, горемъ нѣмымъ, и вспоминать спокойно о дняхъ тѣхъ Мих. Ст. не въ силахъ даже теперь.

Время, лучшей докторъ, почти залѣчило раны былого. Усталое, измученное сердце Мих. Ст. успокоилось, оживать начало.

Будущее не казалось столь мрачнымъ и безнадежнымъ, какъ раньше. И вдругъ эта встрѣча! Зачѣмъ?!

Быть можетъ, смерть близится къ кому нибудь изъ бывшихъ противниковъ и не хочеть застичъ ихъ врасплохъ, не хочеть разлучить непримиренными врагами?

Да, полно, врагами ли?!

Злобы, какой-либо вражды, по отношенію къ Павлу Тимашевъ сейчасъ не питалъ. Правда, слабый грѣшный человѣкъ, онъ не могъ окончательно вычеркнуть изъ своей памяти тѣ слѣды о пережитыхъ несчастіяхъ, виновникомъ которыхъ былъ гордый, подозрительный и очень самолюбивый Павелъ.

Тимашевъ когда-то хорошо изучилъ его.

Обладая рѣдкой способностью даже въ низменныхъ натурахъ подмѣчать отблескъ искорки Божьей, онъ и на преступнаго Павла смотрѣлъ по своему.

Въ глазахъ М. Ст. Бороздкинъ былъ только несчастнымъ человѣкомъ. Такимъ его сдѣлала жизнь, но въ ея же власти исправить ошибку. Можетъ быть, это исправленіе уже началось?

Павелъ вѣдь въ церкви, молится, плачетъ! Это такъ на него не похоже. Не обознался ли Тимашевъ тогда, при встрѣчѣ.

— Жаль, Володя долго не приходитъ. Попросить бы его, и мальчикъ разузнаетъ подробнѣй объ этомъ загадочномъ незнакомцѣ. До сихъ поръ, пожалуй, ему и такъ извѣстно, откуда и гдѣ проживаетъ этотъ человѣкъ.

Свѣдѣнія вѣдь не лишнія для Михаила Степановича: Пасха близится. А Павелъ такой безпомощный, одинокій. Можетъ быть и кусочка хлѣба у него нѣтъ? — Надо что-то предпринять.

Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на добряка неожиданной встрѣчей, слабѣло, и новые планы, новые затѣи стали назрѣвать въ его мозгу.

Вечеромъ того же дня Мих. Ст. пошелъ въ церковь, увидѣлъ тамъ Володю, и они разговорились.

— Знаете, сталъ разсказывать мальчикъ: сапоги-то чуть не пришлось мнѣ тащить въ вамъ обратнo.

Этотъ человѣкъ сразу ни за что не хотѣлъ ихъ брать.

— Вѣроятно это не простой нищій, а какой-то интеллигентный бѣднякъ, не эмигрантъ ли?

Своей неожиданностью сюрпризъ озадачилъ его, а какъ прочелъ онъ записку, совсѣмъ растерялся. Нѣсколько разъ перечитывалъ: „М. С. Т., М. С. Т.“ все повторялъ онъ первоначальныя буквы вашей подписи.

— „Не Михаиломъ ли Степановичемъ зовутъ человѣка, передаващаго мнѣ этотъ свертокъ“, спросилъ онъ меня: „почеркъ мнѣ памятенъ!“

— Вы говорили не называть васъ, я и притворился незнающимъ.

— А гдѣ онъ живетъ — не интересовался. Въ другой разъ увижу—разспрошу“.

— Не болтайся только обо мнѣ! напомнилъ Мих. Степ.

спаси насъ". Во время литурги священникъ возглашаетъ: „о пособити и покорити подъ нсеѣ всякаго врага и супостата“. Но, говоритъ Мурашка, убивать человѣка — зло; поэтому, кто злобно покоряетъ народъ, самъ есть зло. Священникъ совершаетъ кажде- ние, но въ Новомъ Завѣтѣ Духъ Святой не требуетъ кажденія, а хочетъ, чтобы мы хвалу воздавали изъ устъ нашихъ.

Православная Церковь, когда обращается ко Пресвятой Дѣвѣ Маріи съ молитвеннымъ призыва- ніемъ: „Пресвятая Богородица, спаси насъ“, не учила и не учитъ, что Божія Матерь спасаетъ насъ соб- ственными силами; Она спасаетъ насъ молитвами и благодатю Сына Своего. Пророкъ Іеремія говоритъ: „Ибо Господь сотворитъ нѣчто новое: жена спасетъ мужа, такъ говоритъ Господь“ (Іереміи 31, 22, 23). Не станеть же на основаніи этихъ словъ Мурашка выводить заключеніе, что Богъ ошибся, говоря, что не Она спасетъ мужа, а жена.

Если Православная Церковь и молится, чтобы правительство наше покоряло враговъ и супостатовъ, то этимъ оно только выражаетъ одну преданность своему правительству и любовь къ государству. По ученію же Мурашки выходитъ, что не нужно молить- ся о дарованіи правительству успѣховъ, а если, на- примѣръ, придуть большевики и разрушать Польшу, то пусть, моля, они это и сдѣлаютъ.

Никакого зла этими словами Церковь не пропо- вѣдуетъ, а только проситъ у Бога, чтобы Господь по- помогъ правительству спасти свой народъ отъ нападе- нія непріятели. Мурашка все время хочетъ доказать, что война и убійство есть понятія равносильныя. Но мы уже выше показали, что Богъ эти два понятія различаетъ. Если Мурашка хочетъ стать выше Бога въ своихъ разсужденіяхъ, то пусть онъ такъ и за- явить въ своей книжкѣ объ этомъ.

— „Не беспокойтесь: знаю!“

Теперь сомнѣній не было. Тимашевъ не ошибся. Облагодѣтельствоваанный имъ человѣкъ былъ именно Павелъ.

Дни шли за днями, а случая еще разъ встрѣ- тить Бороздкина не представлялось.

Наступила Пасха. Уже семь лѣтъ Мих. Ст. на чужбинѣ встрѣчаетъ этотъ Свѣтлый Праздникъ.

Одиночество, какъ будто, не очень тяготило его. Съ наступленіемъ же святыхъ дней мятущаяся, то- ская душа Тимашева вся уносила, вся такъ и рвалась далеко, далеко за тѣ преграды и границы, которыя воздвигли на пути ея природа и злыя ухищ- ренія враговъ.

Задумчивый, почти грустный, стоялъ въ соборѣ во время заутрени Тимашевъ. Сердце его обыкновен- но ныло и въ тактъ ему вырывались и плыли неве- селыя думы.

Мих. Ст. пробовалъ себя утѣшать, но неудачно.

„Сколько на сѣтѣ въ данную пору людей“, ду- малъ онъ, „которымъ, куда, хуже моего: есть вѣдь и больные, и голодные и безъ крова, есть также тыся- чи подобныхъ и мнѣ изгнанниковъ, но... быть можетъ они не всѣ такъ одиноки сегодня, или, по крайней мѣрѣ, не чувствуютъ этого слишкомъ остро. А тамъ на родинѣ для многихъ есть отрада: сказать „Хри- стосъ воскресъ!“ хотя могилкамъ дорогимъ... мнѣ же и это не доступно.“

Грустные думы! Чтобы отогнать ихъ, разсѣять, М. Ст. сталъ внимательнѣй прислушиваться къ ра- достнымъ пасхальнымъ напѣвамъ.

Много чуднаго говорили они людямъ! Говорили о святости, величьи, неземной радости Праздника Праздниковъ, напоминали о любви, всепрощеніи.

Кажденіе было въ Ветхомъ Завѣтѣ, это не ѣ- сторицаетъ и самъ Мурашка, но онъ говоритъ, что его не нужно въ Новомъ Завѣтѣ. На основаніи чего онъ это утверждаетъ,—мы не знаемъ, ибо онъ никакихъ тек- стовъ въ защиту своего убѣжденія не приводитъ. Что въ Новомъ Завѣтѣ кажде- ние совершалось, то объ этомъ говорить само слово Божіе. Въ книгѣ Открове- нія (8, 34) ясно объ этомъ говорится. Также говорит- ся объ этомъ въ евангеліи (Матѣ. 2, 11 и Лука 1, 9). Апостоль Павелъ пишетъ: „Я получилъ все и из- быточествую; я доволенъ, получивъ отъ Епафродита по- сланное вами, какъ благовонное куреніе; жертву пріятную, благоугодную Богу“ (Филипп. 4, 18). Въ греческомъ текстѣ слова „какъ“ нѣтъ совсѣмъ, а въ русскомъ напечатано курсивомъ. Такимъ образомъ, апостоль Павелъ благодаритъ добрыхъ людей за то, что ему прислали благовонное куреніе и называетъ его жертвой пріятной и благоугодной Богу. Не назы- ваетъ кажде- ние благоугоднымъ Богу только одинъ Мурашка и его единомышленники, сектанты.

Іосифъ Перетрухинъ.

Змій - искуситель.

Жаркій Іюльскій полдень. У рѣки, на неболь- шомъ лугу, устало лежать коровы, лѣнливо пережевы- вая жвачку. А пастухи, пользуясь случайнымъ отды- хомъ, разбрелись по лугу, устроившись, гдѣ кому удобнѣе,—каждый, соотвѣтственно своимъ вкусамъ и привычкамъ: подпаски, Вася и Миша, шумно плеска- ются въ небольшой рѣчонкѣ. Безпрестанно ныряя, взвизгивая и обрызгивая другъ друга водой, они съ наслажденіемъ погружаютъ свои загорѣлыя тѣла въ холодныя струи рѣчонки. На минуту покажутся изъ воды ихъ мокрыя, блестящія на солнцѣ спины, и сно-

Вслушивался въ нихъ Тимашевъ и начиналъ за- бывать.

Тѣсно стало становилось въ соборѣ, народъ при- бывалъ, и Мих. Ст. вынужденъ былъ уйти со своего мѣста.

Теперь онъ стоялъ почти совсѣмъ у образа По- чаевской и такъ же, какъ недавно еще Бороздкинъ на „Похвалѣ Богородицы“, не отрываясь, пристально глядѣлъ на св. икону.

Ему часто случалось молиться тутъ, но близко и детально разглядѣть Святыню не приходилось.

Съ благоговѣніемъ всматривался Мих. Ст. и, почему то вспомнивъ Бороздкина, подумалъ: „Не этотъ ли св. образъ всколыхнулъ тогда преступную душу, не онъ ли, одухотворенный божественной благодатю, раскрылъ вдругъ предъ павшимъ такъ глубоко чело- вѣкомъ всю бездну, весь ужасъ грѣха?“

Лики Богоматери и Спасителя тутъ словно жи- вые. „Знаю Я, знаю и вижу, о комъ Ты скорбишь и такъ неотступно все просишь“, кажется, говоритъ изо- браженный на иконѣ Младенецъ Христосъ склонившей- ся къ нему съ тихой мольбой небесной Ходатайницѣ о родѣ земномъ.

„Вотъ онъ этотъ человѣкъ! О какой грѣшный! О какъ часто оскорблялъ онъ Меня! Какъ часто нарушалъ мой завѣтъ! И Ты просишь о немъ, Пре- святая!“

Во взорѣ Спасителя ясно, пронизательномъ, какъ въ прозрачномъ зеркалѣ водъ, отражается и чув- ство любви къ Пречистой Матери и жалость къ пад- шему человѣку, но замѣтно въ немъ также негодова- ніе, будто укоръ.

— „И Ты просишь!“...

Вмѣсто отвѣта, чудится снова, Дѣва Святая

ва мальчишки въ водѣ, нарушая тишину жаркаго дня своими криками, которые далеко разноситъ внизъ по рѣкѣ звонкое эхо.

Дѣдушка Онуфрій удобно устроился въ тѣни ракитоваго куста: отбросивъ въ сторону недоплетенный лапотъ и заложивъ руки подъ голову, онъ растянулся на травѣ и—не то дремлетъ, не то—мечтаетъ о чемъ то въ блаженномъ *far niente*.

Неподалеку отъ него сидятъ двѣ пастушки. И по внѣшнему виду, а въ особенности — по внутреннему своему духовному складу,—онѣ представляютъ полный контрастъ другъ другу. Одна изъ нихъ, Ляня, дѣвочка лѣтъ 14, поневолѣ обращаетъ на себя вниманіе своей милотливостью. Нѣжный румянецъ во всю щеку придаетъ особую прелесть ея лицу, а большіе мечтательные глаза и русая головка вызываютъ живое представленіе о красивомъ сочетаніи спѣлой ржи съ синими васильками. Другая, Евгенія,—взрослая женщина лѣтъ 40. На длинномъ, лошадиномъ лицѣ ея рѣзко выдѣляются глубоко сидящіе въ орбитахъ, сверляще, непріятные черные глаза. Лицо изъ смуглаго стало бронзовымъ отъ загара. Глядя на ея длинную костлявую фигуру, такъ и кажется, что при всякомъ движеніи, должны также скрипѣть ея кости, какъ скрипитъ ея голось.

Евгенія—заядлая сектантка—баптистка, „проповѣдница“. Ляня, дочь очень богобоязненной и религіозной православной женщины и убѣжденной христіанки, не по лѣтамъ, или—вѣрнѣе: именно по лѣтамъ религіозна до болѣзненности.

Пастушки бесѣдуютъ. Собственно говоря, „скрипитъ“ однотонно Евгенія, а Ляня, устремивъ куда-то въ даль и широко раскрывъ свои большіе глаза, слушаетъ.

Къ дѣдушкѣ Онуфрью, который и не думаетъ спать, отчетливо доносится ихъ разговоръ. Старикъ

давно уже замѣтилъ необычайное вниманіе, которое баптистка начала удѣлять доверчивой Лянь, и началъ внимательно слѣдить за обѣими. Мягкій и добрый по природѣ, онъ однако же терпѣть не могъ баптистовъ. Прекрасно зная свою односельчанку Ляню, а также—и ея хорошую, крѣпкую, въ религіозномъ отношеніи семью; съ другой стороны,—сектантскую назойливость,—дѣдушка Онуфрій сильно безпокоился за Ляню, прекрасно понимая, что Евгенія, попросту говоря, „обдѣльваетъ“ Ляню, желая совратить ее въ сектантство. Неудивительно, поэтому, что онъ всегда былъ насторожѣ, готовый, при первой къ тому необходимости, вступить въ бой съ сектанткой и защищать Ляню. И теперь, напрягая все свое вниманіе, онъ слушаетъ, что говоритъ Евгенія, стараясь не пропустить ни одного слова.

— „И знаешь, милая, какъ стала она ходить къ намъ на собранія,—такъ и сошла на нее благодать: приняла она вѣру евангельскую... А теперь Духъ св. сошелъ на нее, и начала она говорить на разныхъ языкахъ“...

— „Ну, и вретъ же противная баба: какъ по писанному“, подумалъ про себя дѣдушка Онуфрій: „ну, да ладно: подождемъ, что дальше будетъ“.

Между тѣмъ, Евгенія тянула дальше: „да ты, золотая, приходи къ намъ на собраніе: сама все увидишь. Придешь—ладно?“

— „Я боюсь“...

— „Ахъ ты, дѣтка моя малая!—Да чего же тебѣ бояться-то?! Ты не думай объ этомъ: это дѣволъ тебя смущаетъ“...

— „Сама ты дѣволъ“, буркнулъ дѣдушка Онуфрій.

— „Приходи золотая!“

— „Мама не пуститъ“, отвѣчаетъ, какъ бы колеблясь, Ляня.

крѣпче прижимаетъ къ груди своей Богомладенца и, прикинувъ къ Нему челомъ своимъ, тихо, какъ бы не смѣя громче повторить просьбу о людяхъ несчастныхъ, шепчепъ:

— „Да! Прошу, прошу! Умилосердись же, Сыне и Боже мой! Грѣшный онъ, очень грѣшный человекъ, но созданье Твое. Не допусти же его погибнуть. Будь милостивъ, прости его!“

Блаженный взоръ Спасителя еще пристальнѣе всматривается въ кого-то изъ предстоящихъ.

— „Простишь?“ вопросительно и задумчиво смотритъ Онъ:

— „Прощаю! Пусть съ миромъ идетъ, но впредь пусть не грѣшитъ!“

М. Ст. слѣдитъ за взоромъ Спасителя. На кого это онъ устремленъ? Оглядывается, и отъ неожиданности вздрагиваетъ: въ сторонѣ стоитъ Павелъ. Онъ это! Онъ!

Послѣдній, почувствовалъ взгляды Тимашева, подымаетъ глаза и также вздрагиваетъ.

Они узнали другъ друга. Что же будетъ?! Протянутся ль къ пожатию ихъ руки?

На лицѣ Павла растерянность. Опускаетъ глаза и Мих. Ст.

„Неужто правда, мы враги“?! недоумѣвающе — грустно думаетъ онъ: „а вѣдь сегодня такой великій день,—исчезло зло—не должно быть и враговъ!“

„Господи!“ искреннимъ вздохомъ вырывается изъ груди Т: „Ты видишь сейчасъ мое сердце! Нѣтъ въ немъ и капли вражды — унынье одно. Сколько ужъ лѣтъ сряду въ этотъ св день гнететъ меня тоска! Еслибъ хоть разъ тутъ, въ изгнаныи довелось мнѣ почувствовать, всею душою проникнуть въ радость

Твоего Воскресенія! Даруй мнѣ, Господи, эту радость, примири меня съ Павломъ!“

И снова смотритъ М. Ст. въ сторону Бороздкина. Тотъ стоитъ глубоко задумавшись...

Къ концу приближалась заутреня. Съ амвона раздается пасхальное слово св. Златоуста: „Аще кто благочестивъ и боголюбивъ“...

Мих. Ст. очень любилъ это слово: оно такъ же, какъ и первое „Христосъ воскресъ“, заставляло радостно трепетать его сердце.

„... Тому слава и держава во вѣки вѣковъ...“ замираютъ въ воздухѣ послѣднія слова.

Тимашевъ крестится, опускаетъ руку, но вдругъ чувствуетъ, что ее кто-то порывисто схватилъ, пожимаетъ, и въ лицо же къ нему заглядываютъ чьи-то мрачные черные глаза.

„Христосъ Воскресе, Михаилъ Степаньчъ!“ слышитъ онъ подлѣ себя нерѣшительный голосъ Павла.

„Ахъ другъ мой!“ порывисто поворачивается къ нему Тимашевъ: „Воистину Воскресе!“

Секунду молча пристально смотря другъ другу въ душу...

„Простимъ вся воскресеніемъ, Михаилъ Степаньчъ!“ наконецъ, первымъ прерываетъ молчаніе Павелъ.

Въ голосѣ слышится столько мольбы!

„И другъ друга обьемемъ!“ счастливо улыбаясь, продолжаетъ Тимашевъ...

И радость, небесная радость Воскресенія слетаетъ на крыльяхъ неземныхъ къ бывшему чекисту и къ его жертвѣ...

Крѣпко обнявшись, они на чужбинѣ трижды по родному обычаю похристосовались.

— „Мама не пустить?! — Ахъ Леня, Леня! Да развѣ же ты не читала въ Евангеліи, что говорить Христось: „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня?“ (Мѣ. X, 37). Развѣ св. апостолы, послѣдовавъ Христу, не оставили родныхъ, привычныхъ занятій и т. д.? А ты—„мама не пустить“... Да и кромѣ того, если Господь сподобитъ тебя, въ чемъ я увѣрена, принять вѣру евангельскую, то, быть можетъ, и даже—навѣрное, благодать Св. Духа коснется черезъ твое чистое сердце и твоей мамы, и и она сама, также какъ и ты, станеть истинной христианкой. Я помню одну хорошую притчу, которую какъ то читала. Ты послушай, я тебѣ расскажу ее—и ты сама увидишь, что я права“.

„Одинъ пастухъ пасъ на берегу ручья овцу съ ягненкомъ. И вотъ видитъ овца, что на другомъ берегу ручья трава гораздо лучше: высокая, зеленая, вкусная. Рада бы овца перейти черезъ ручей къ этой травкѣ, но она понимаетъ, что за нею не можетъ перейти туда ея маленькій ягненокъ. Замѣтилъ это пастухъ. Взялъ онъ ягненка на руки и перенесъ его на другой берегъ ручья. А тогда вселю перепрыгнула къ сочной травкѣ и овца“.

— „Понимаешь, въ чемъ дѣло? Вотъ также будетъ и съ тобой: перейдешь ты въ нашу вѣру, а за тобой придетъ къ намъ и твоя мама. Придешь на собрание, Леночка?“

Молчаніе. Очевидно, бѣдная Леня и сама не знаетъ, что отвѣтить своей соблазнительницѣ. Но выручаетъ Леню дѣдушка Онуфрій, который, видя, что дѣло начинаетъ принимать серьезный оборотъ, не можетъ далѣе выдерживать роли пассивнаго наблюдателя и рѣзко вмѣшивается въ разговоръ.

— „Ахъ, ты безбожница окаянная! Ишь,—вздумала чѣмъ смущать дѣвчонку. Ты бы вотъ поговорила со мной про свою поганую американскую вѣру, такъ я бы тебѣ отвѣтилъ по настоящему. А то—поймала дѣвчонку да и разводитъ ей бобы на счетъ своей проклятой еретической вѣры“.

— „А ты что за опекунь такой тутъ выискался?“

— „А такой опекунь, что мнѣ такъ же дорого спасеніе ея души, какъ и своей собственной. Она, благодареніе Господу, принадлежитъ къ истинной спасительной вѣрѣ, а ты хочешь увлечь ее на путь погибели, которымъ идете всѣ вы—сектанты, отступники отъ отеческой вѣры. Ты послушай, Леня, меня да и сама хорошенько подумай: вѣдь ты грамотная и читаешь Св. Евангеліе. Такъ вотъ — развѣ они со своей „вѣрой“ — не противники Св. Евангелія? Ты только вспомни слова Христа Спасителя изъ Его нагорной проповѣди о трудности спасенія (Мѣ. VII). Говоря о томъ, что къ спасенію ведутъ люди „тѣсная ворота и узкій путь“, Христось тутъ же и предупреждаетъ всѣхъ своихъ истинныхъ послѣдователей о лжепророкахъ—обманщикахъ которые, какъ вотъ они, будутъ увѣрять насъ въ легкости спасенія. У нихъ, вѣдь, все легко и просто: и Духа Св. получить, и пророчествовать, и говорить на разныхъ языкахъ, и все прочее.“

Она вотъ рассказываетъ тебѣ притчу, вычитанную ею въ ихъ богомерзкихъ баптистскихъ книжкахъ, въ которыхъ все переделано шиворотъ-навыворотъ, а потому и нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ обмана и глупости. Въ самомъ дѣлѣ. Развѣ не глупость то, что она тебѣ рассказываетъ? Подумай только сама: по ея словамъ выходитъ, что не пастухъ пасъ овцу, какъ мы съ тобой пасемъ коровъ, а—овца па-

стуха, потому что овца вдругъ оказывается разсудительнѣе и толковнѣе своего пастуха. Ты только представь себѣ картину: возвращаемся мы домой съ пастбища—и не ты ведешь на поводу свою корову, а—она тебя. Смѣху подобно да и только! Впрочемъ, смѣяться нужно надъ глупостью этой еретички.

Теперь дальше. Слѣдуетъ подумать и о томъ, что только глупый и крайне нерадивый пастухъ такъ, безъ всякаго толку и смыслу, или только по тому, что это взбрело въ голову глупой овцѣ,—перенесеть, какъ она говорила тебѣ, ягненка къ травѣ, не посмотрѣвши раньше, что за трава и мѣстность на другомъ берегу. Всякая, вѣдь, какъ ты знаешь, трава-то бываетъ. Ну, вотъ ты, скажемъ, видала, навѣрно, трясину, или, какъ ихъ у насъ называютъ, „окна“?

— „Видала“.

— „Конечно, видала: за Нѣманомъ на нашихъ сѣнокосахъ ихъ много. Такъ вотъ теперь и подумай хорошенько надъ тѣмъ, что она наплела тебѣ. Посмотришь на трясину—какой она издали кажется зеленой, ровной и красивой, а ступишь на нее—и пропаль на вѣки: затянетъ и засосетъ тебя грязное вонючее болото. Именно въ такую то трясину она и хочетъ затянуть тебя. Въ самомъ дѣлѣ. Мать-то твоя, смотри, какая хорошая христианка и примѣрная женщина: каждую службу бываетъ она въ храмѣ Божіемъ, хранить св. посты, тебя съ сестрой воспитываетъ и содержать въ страхъ Господнемъ. А эта осмѣливается трепать своимъ безстыжимъ и безумнымъ языкомъ, что она можетъ перейти въ ихъ еретическую американскую вѣру. Никогда этого не будетъ. А если бы, храни Богъ, съ тобой случился такой позоръ и несчастіе, то мать твоя умерла бы отъ стыда и горя. А твой отецъ?! Развѣ не перевернулись бы отъ ужаса въ гробу его кости, если бы ты наплевала, какъ эти слуги сатаны, на св. Крестъ? Вѣдь твой отецъ подлинно отдалъ, по Христову завѣту, жизнь свою за други своя, честно сложивъ свои кости на войнѣ за св. Крестъ и вѣру православную. Да и какъ сложилъ?—геройски. У васъ вѣдь и теперь бережно хранится въ домѣ, какъ святыня, и память объ отцѣ, Герсглевскій крестъ, который начальство прислало твоей матери, какъ награду за боевыя подвиги твоего отца. А она хочетъ, эта еретичка безумная, чтобы ты была своего отца и его подвиги за крестъ Христовъ и правую вѣру; хочетъ, чтобы ты отказалась отъ того, за что онъ отдалъ въ мукахъ свою молодую жизнь. Можешь ты выбросить его изъ сердца и памяти? Можешь ты выбросить на поприще тотъ крестъ, которымъ мать твоя такъ дорожитъ и по справедливости гордится? Можешь отказаться отъ храма Господня и св. иконъ? — Никогда я этому не повѣрю. Не слушай ты этой соблазнительницы окаянной: также, какъ нѣкогда змѣй—искуситель, хочетъ она искусить и тебя и отвратить тебя отъ Бога. Послушай меня старика и на ихъ богомерзкія собранія не ходи, ибо, кромѣ грѣха и сумасшедшаго безобразія, ничего тамъ не найдешь и не увидишь“.

„А ты, если еще посмѣешь наговаривать Леню, то помни, что тебѣ не поздоровится“.

— „Пойдемъ, Леня! Плунъ на ея разговоры перекрестись и забудь ея проклятую болтовню“.

Леня, словно выпущенная на волю птичка, легко вскочила и, съ прояснившимся лицомъ, доверчиво пошла за дѣдушкой Онуфріемъ.

Прот. І. Сомковичъ.

